

УДК: 323.1

DOI: 10.31857/S0869049924040109
EDN: ZGSABA

Трибуна молодого ученого ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Теоретические подходы к изучению языковых режимов

© А.С. ТУЛУМ

Тулум Андрей Сергеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), atulum@hse.ru. ORCID: 0000-0003-1362-6101

Концепция языкового режима появилась в политической науке в конце 1980-х гг., когда в связи с этническими конфликтами и миграцией во многих государствах Европы возникли проблемы в управлении языковым разнообразием, а на международном уровне начались дискуссии о языковых правах. Данные процессы продемонстрировали, что языковые проблемы имеют политическую важность, следовательно, их необходимо изучать. За последние 20 лет ученые внесли значительный вклад в междисциплинарные исследования языковой политики, применяя подходы из политической науки, социолингвистики, права и экономики. Однако такой широкий исследовательский инструментарий привел к методологическим проблемам, главным образом связанным с интерпретацией понятий, которые встречаются сразу в нескольких областях исследований – например, идеологии. В случае языковых режимов полемика разворачивается вокруг самостоятельного употребления этого термина, который не следует рассматривать как эквивалент режима языковой политики или просто языковой политики. Обсуждены ключевые подходы к изучению языковых режимов, а также обосновано независимое использование этого понятия в исследованиях языковой политики.

Ключевые слова: языковая политика, языковой режим, политология, социолингвистика, междисциплинарность

Цитирование: Тулум А.С. (2024) Теоретические подходы к изучению языковых режимов // Общественные науки и современность. № 4. С. 128–136. DOI: 10.31857/S0869049924040109, EDN: ZGSABA

Theoretical Approaches to Language Regimes

© A. TULUM

Andrei S. Tulum, HSE University (Moscow, Russia), atulum@hse.ru. ORCID: 0000-0003-1362-6101

Abstract. The concept of language regime emerged in political science in the late 1980s. Due to the rise of ethnic conflicts and migration many European states faced, new challenges to language diversity management emerged while at international level a discussion about linguistic rights started. All these trends once again highlighted the political importance of language issues and an urgent need to investigate them by bringing together the approaches from different fields of science. Many researchers have made a significant contribution to interdisciplinary language policy studies over the last 20 years by applying methods from political science, sociolinguistics, law and economics. However, such a wide range of approaches has inevitably led to methodological problems, mostly concerned with different interpretations of notions that are grounded in more than one research field, e.g. ideology. As for language regimes, the debate lies in the separate use of this term that should not be considered equivalent to language policy regime or language policy. The article discusses the key approaches to language regimes in both political science and sociolinguistics and justifies the separate use of this notion for language policy research.

Keywords: language policy, language regime, political science, sociolinguistics, interdisciplinarity

Citation: Tulum A.S. (2024) Theoretical Approaches to Language Regimes. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 128–136. DOI: 10.31857/S0869049924040109, EDN: ZGSABA (In Russ.)

Введение

Понятие «языковой режим» возникло в политической науке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В этот период в Европе возникали новые государства, а одновременно с ними зарождались конфликты с очевидной этноязыковой окраской. Попытки их урегулировать существенно развили международное сотрудничество в сфере языковых прав и прав этнических меньшинств, а также усилили дискуссии о возможности пользоваться правами и ограничениях в этой области. В этот период также начался качественно новый этап европейской интеграции: Европейские сообщества преобразовались в Европейский союз (ЕС), количество государств-участников которого за 1990–2000 гг. увеличилось почти вдвое. Как следствие, возросло и количество официальных языков, а их равноправное использование в институтах ЕС стало серьезным вызовом для этого полиэтнического объединения. Кроме того, многие государства Европы впервые столкнулись с феноменом миграции, что сделало вопрос культурной и языковой адаптации новоприбывших одной из центральных политических проблем стран континента на ближайшие десятилетия.

В результате усложнения и политизации этноязыковых процессов появилось четкое понимание того, что проблемы языковой политики теперь представляют собой вопрос не только социолингвистики, к которой традиционно относятся исследования в этой сфере, но и политической науки. Соответственно, методы и подходы обеих дисциплин могут быть ключом к их пониманию и решению. Одной из первых работ, воплотивших эту идею в жизнь, считают книгу «Языковые права и политическая теория» под редакцией В. Кимлики и А. Паттена [Kymlicka, Patten 2003]. В ней собраны результаты исследований, которые связывают язык и различные политические вопросы: от гражданства и национализма до проблем мультикультурализма и политики идентичности. На базе этих идей за последние

два десятилетия было написано много новых работ, посвященных языковой политике и языковым режимам [Cardinal, Sonntag 2015; Carla 2007; Gazzola 2014; Liu 2015; Борисова 2021; Мухарьямов 2017]. Основой для изучения последних чаще всего выступает именно политическая наука, дополнением к которой служит социолингвистика (но не только она).

В связи со сложным правовым устройством ЕС, откуда понятие «языковой режим» и пришло в науку, проблемами языковых прав и особенностями национальных законодательств в рамках данного направления исследований необходимо использовать знания и подходы из области права. Концепции о языке как об экономическом благе, а также проблема издержек и ожидаемых выгод мультилингвизма открывают возможность применять методы экономической науки [Gazzola 2014].

В то же время широта инструментария для изучения языковых режимов приводит к методологическим проблемам. В частности, возникает вопрос релевантности употребления понятия «языковой режим», которое зачастую приравнивают к другим, уже укорененным в науке концепциям, и применяют как их синоним. Прежде всего речь идет о языковой политике и ее режимах, языковой идеологии, языковой ситуации. Соответственно, цель статьи – рассмотреть сложившиеся в науке подходы к языковым режимам и объяснить необходимость обособленного применения понятия «языковой режим» при исследовании политических процессов в языковой сфере и роли языка в политике.

Языковые режимы и политическая наука

Несмотря на то, что языковые режимы упоминались еще в политологических исследованиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. [Beer, Jacob 1985; Laitin 1993], четкое определение этому термину дал в своих работах только американский политолог Дж. Пул в 1990-х гг. Рассуждая о взаимозависимости национальных политических и языковых режимов, последние он интерпретирует как наличие в образующем нацию сообществе языка, которым владеет большинство его членов и который выступает основным средством общения внутри сообщества. Иными словами, языковой режим в версии Пула – это статичная ситуация, «совокупность одного или более официальных языков» [Pool 1990], а также, согласно его следующей статье об оптимальных языковых режимах для Европейского союза, «набор правил, регулирующих их использование» [Pool 1996]. В своих работах исследователь представляет языковой режим как следствие языковой политики государства или международной организации. Под ней понимают различные меры, направленные на определение официальных, рабочих и других языков, их стандартизацию, продвижение и изучение.

Такое же толкование языковых режимов можно встретить в исследованиях [Cardinal, Sonntag 2015; Laitin 2007; Liu 2015; Moorman-Kimakova 2016; Rousseau, Dargent 2019]. Как правило, их авторы все же расширяют данное определение, а их подходы преследуют более конкретные цели. К примеру, исследователи Л. Кардинал и С. Зонntag [Cardinal, Sonntag 2015] рассматривают языковой режим как «совокупность языковых практик, а также концепций и представлений о языке и его использовании, которые формируются под влиянием государственной политики, а затем воспроизводятся пользователями языка». Похожую трактовку использует и А. Карла [Carla 2007], который работает в конструктивистской парадигме. Он предлагает рассматривать язык как мировоззрение, которое формируется в отношениях между языковыми группами в определенном контексте и под влиянием структурных изменений, включающих

в том числе языковую политику. Автор различает два типа режимов языковой политики в зависимости от того, какое мировоззрение она создает – происходит ли секьюритизация языкового вопроса. Когда языковой фактор в отношениях между языковыми группами нейтрален, в них устанавливается объединяющий режим, который предусматривает паритетное использование всех языков. При разъединяющем режиме языку приписывают роль фактора идентичности, а члены сообщества четко осознают иерархию языков и следуют ей.

Однако здесь возникает упомянутая выше методологическая проблема, когда в исследованиях понятия «языковой режим» (*language regime*), «режим языковой политики» (*language policy regime*) и «языковая политика» (*language policy*) приравнивают друг к другу. Отечественный специалист Н.В. Борисова, указывая на эту ошибку, отмечает, что представление о правилах как об институциональных практиках (согласно определению Кардинал и Зоннтаг) позволяет определять языковой режим как разновидность социального порядка – рутинизированные и привычные правила и практики употребления языка, в условиях которых существует общество. Однако языковая политика только влияет на языковой режим, а значит, она не может быть его частью [Борисова 2021, 66]. Соответственно, методологически корректно использовать «языковой режим» как отдельное понятие с самостоятельной объяснительной силой.

Иной подход и еще одну типологию языковых режимов можно найти в исследовании американского политолога Э. Лю [Liu 2015], которая рассматривает языковой режим как инструмент институционализации языковых властных полномочий. Изучая режимы в Малайзии и Сингапуре, она предложила типологию языковых режимов в зависимости от количества признанных языков и степени их родства населению. Конкретная конфигурация зависит от состава коалиционного правительства страны и может соответствовать одному из четырех типов: властно-долевой/распределяющий режим (*power-sharing*), когда официальными считаются несколько языков, особенно языки меньшинств; два варианта властно-нейтрализующего режима (*power-neutralising*), когда официальным становится только *lingua franca* либо *lingua franca* и самые распространенные родные языки; властно-концентрирующий режим (*power-concentrating*), когда доминирующая политическая группа может выбрать любой языковой режим. Режим может изменяться только в переходные периоды, или, говоря языком исторического институционализма, критические развилки (*critical junctures*), так как языковые режимы формируются (*path dependent*) именно под влиянием государственных традиций.

Теоретические рамки, которые использовала в своей работе Лю, предложили Л. Кардинал и С. Зоннтаг [Cardinal, Sonntag 2015], чтобы объяснять, как государство выбирает ту или иную модель языковой политики, а не только рассматривать ее последствия. По их мнению, такой подход позволяет изучать исторический, институциональный и нормативный контекст, при котором государство выбирает курс языковой политики, который, в свою очередь, влияет на формирование языкового режима.

Примечательно также, что наработанные в политической науке подходы к языковым режимам часто интегрируют в себя знания из социолингвистики и других дисциплин. В своем определении языкового режима Л. Кардинал и С. Зоннтаг говорят не только о языковых практиках, но и о концепциях и представлениях о языке и его употреблении, то есть о давно укорененных в науке языковых идеологиях. В то же время авторы отмечают, что их самостоятельный объяснительный потенциал недостаточен [Cardinal, Sonntag 2015, 7]. Другим примером можно назвать работу американского политолога Д. Лэйтина [Laitin 2007]. Рассуждая о формировании нации, ученый обращается к концепциям гегемонии и языкового сдвига, рассматривая их через

заимствованную из теории игр модель переломного момента (*tipping game*). В его версии национальный языковой режим складывается в конкретный переломный момент в результате коллективного волеизъявления. В результате либо укрепляются позиции языка национального большинства, либо, наоборот, появляются предпосылки для возникновения новой нации.

Таким образом, вклад политической науки в исследования языковых режимов не ограничивается уточнением и обособлением понятия «языковой режим». Она помещает языковые проблемы в более широкий политический контекст (от проблемы распределения властных полномочий до вопросов нациестроительства), что позволяет применять политологические подходы, которые используют для изучения этих феноменов, и к языковым режимам. Важно также отметить явную междисциплинарность уже проведенных в этой области исследований, чему в первую очередь способствовало заимствование инструментов социолингвистики.

Социолингвистические подходы

Социолингвистика традиционно выступает основным полем для изучения языковой политики, предоставляя значительные аналитико-теоретические возможности для исследования языковых режимов – в том числе благодаря интеграции с правовыми и экономическими подходами.

При дискуссии о языковых режимах социолингвисты обычно ссылаются на коллективную монографию «Режимы языка» [Kroskrity 2000]. Ее редактор, американский лингвоантрополог П. Кроскрити, предложил использовать понятие «языковой режим», чтобы интегрировать два отделенных друг от друга исследовательских поля: лингвистического без политики и политологического без языка. Такой подход позволяет лучше понимать роль языковых идеологий и дискурсивных практик в макросоциальных процессах. Под регламентацией (*regimentation*) в языковой сфере Кроскрити понимает контроль, прежде всего политический, над производством и восприятием доминирующих дискурсов. В то же время многие авторы монографии не рассматривают «режим» как нечто, обязательно связанное с контролем и доминированием – скорее с организацией чего-либо, исключением вариаций и лишних элементов [Gal, Irvine 2019, 71]. Поэтому, как отмечает французский исследователь Дж. Коста, монография по сути посвящена уже конвенциональным языковым идеологиям. Понятие «языковой режим» в ней не было окончательно концептуализировано и осталось размытым [Costa 2019, 3], из-за чего исследователи зачастую воспринимают языковые режимы и идеологии как близкие синонимичные понятия, что неверно. Различие становится очевидным, если посмотреть на определение языковых идеологий как «любого набора представлений о языке, сформулированных его носителями (пользователями) в качестве рационализации или обоснования воспринимаемой ими структуры языка и мотивов его использования» [Silverstein 1979].

Однако существуют и методологически более удачные подходы. К примеру, социолингвист Ф. Кулмас, понимая языковой режим как набор ограничений индивидуального языкового поведения, включает в его компоненты привычки, правовые нормы и идеологии. Он подразумевает, что в идеальной картине мира правовые положения отражают привычки, а также их поддерживают идеологии [Coulmas 2005]. Из этой теории можно сделать вывод, что режим – это не столько идеи, сколько реальные действия и практики, которые воплощаются в жизнь под влиянием идей. Как отмечает Коста [Costa 2019, 3], режим в целом – это непрерывающийся процесс воспроизводства социальных

порядков через повседневные действия, которые определяются идеологиями и обоснованы экономической необходимостью. В этих условиях регламентация становится удобным инструментом для исследования социального действия, который, тем не менее, нуждается в дополнительном изучении практик, идеологий и политической экономии.

Компенсировать данный недостаток могут исследования в сфере экономики языка. Основным фокусом таких работ чаще всего становятся выгоды и издержки, которые приносят разные языковые режимы. Например, рассуждая об измерении их эффективности, британский исследователь М. Гадзола предлагает смотреть на количество людей, которые могут коммуницировать на том или ином языке. Одним из количественных индикаторов может выступать индекс отчужденности (*disenfranchisement rate*, DR), который применяют в посвященных ЕС исследованиях. Он определяет численность европейских граждан, которые могут утратить доступ к информационному полю органов ЕС в случае введения разных языковых режимов, представляющих собой различные наборы рабочих и официальных языков.

Для оценки эффективности языкового режима автор предлагает анализировать так называемую «программную теорию» языкового режима: отслеживать и описывать процесс того, как затраченные на установление определенного языкового режима ресурсы (*inputs*) связаны с производимыми из них благами (*outputs*), а следовательно, и конечными результатами их использования (*outcomes*) [Gazzola 2014, 109–110]. В рамках данной модели языковой режим представляет собой систему принципов и механизмов, используемых для производства многоязычных общественных благ — «документов» в письменной и устной форме.

Исследования в области экономики языка чаще всего посвящены экономическим моделям, которые объясняют различные проявления языкового поведения. К примеру, во многих работах исследуют причины языковой витальности, тогда как авторы других пытаются выяснить, как языковой репертуар детей формируется в зависимости от публичной политики в государстве [Armstrong 2015; Carida, Nemiña, Pinasco, Schiaffino 2013]. Данные модели могут помочь количественно объяснить причины языкового сдвига в выбранном сообществе, а затем и изменения языкового режима, в котором существуют его члены.

Какой подход выбрать?

Большинство представленных в этом обзоре подходов сосредоточены на нормативной составляющей языковой политики, а также на ее результатах и последствиях. Данные аспекты имеют политическое значение, однако ответ на вопрос о причинах выбора конкретной модели языковой политики, а следовательно, и предпосылках формирования соответствующего режима, получить не так легко.

В последнее время для решения этой исследовательской проблемы в основном применяют подход Л. Кардинал и С. Зоннтаг, в котором соединены концепции «языковых режимов» и «государственных традиций». Формулируя его, авторы отсылают к работе Т. Скочпол и ее коллег [Evans, Rueschemeyer, Skocpol 1985], в которой авторы призвали вернуться к изучению роли государств как самостоятельных акторов, которые формулируют и преследуют собственные цели, необязательно отражающие интересы социальных групп или целого общества. По мнению исследователей, эта автономия государства проявляется через концепцию государственных традиций. Под последними авторы понимают институциональный и нормативный опыт, а также исторически сложившиеся паттерны государственного поведения. Вместе они

определяют, на какие принципы государство опирается при выработке политики – в том числе языковой – на определенном историческом этапе. Данный подход, оформленный языком исторического институционализма, обладает значительным объяснительным потенциалом. В частности, его использовали авторы книги «Государственные традиции и языковые режимы» [Cardinal, Sonntag 2015], и многих других работ, вышедших за последние пять лет: о языковой политике в Румынии [Maracz 2017], о формировании языкового режима в Перу [Rousseau, Dargent 2019], о конституционных принципах языкового режима в Швейцарии [Burckhardt 2021], о динамике языкового сдвига в Казахстане [Terlikbayeva, Menlibekova 2021].

Тем не менее, и у него есть свои ограничения. Не все страны обладают стабильными государственными традициями – как минимум из-за того, что у некоторых из них не было опыта государственности, либо период их независимого существования был кратким. Особенно это касается бывших колониальных и постсоциалистических государств со слабым государственным аппаратом, хрупким чувством принадлежности и гражданской лояльности, а также этническим многообразием [Beichelt 2019, 659]. Чтобы преодолеть это ограничение, предлагается рассматривать политико-институциональные и политико-культурные традиции, которые можно проследить и у новых государств. В пользу разделения на институциональный и индивидуальный уровни говорит и необходимость понимать, как пользователи языка воспринимают языковую политику государства. Это особенно важно, если определять языковой режим как набор языковых практик, которые формируются под влиянием не только институциональных паттернов государственной политики, но и представлений о роли языка в обществе.

Для анализа последних может быть полезен подход Карла, который объясняет, как реляционная языковая политика (регулирующая использование языка в социальных отношениях между языковыми группами) влияет на восприятие индивидами проблем языкового разнообразия через концепцию секьюритизации. Кроме того, этот подход позволяет рассматривать языковую политику как вид символической политики, что дает исследователям возможность проанализировать процесс формирования политико-культурных традиций в иной перспективе, исследуя в том числе политику памяти [Малинова, Джонсон 2020]. Например, в постсоветских государствах, которые находятся в процессе активного нациестроительства, политика памяти часто переплетается с «борьбой за язык» – причем как за язык титульной нации, так и за русский в роли языка межнационального общения.

Заключение

Подводя итог рассуждению о подходах к изучению языковых режимов, можно сделать следующие выводы. Прежде всего стало очевидным, что обособленное применение понятия «языковой режим» как самостоятельного (вразрез толкованию его как синонима языковой политики или языковой идеологии) оправдано его большей аналитико-теоретической универсальностью, которая позволяет объяснять связи между языковыми и политическими феноменами. На данный факт указывает то, что политологи и социолингвисты параллельно сформировали понимание языкового режима как разновидности социального порядка. Также необходимо изучать контекст, в котором формируется языковой режим, включая и языковые идеологии, и правовые нормы, и институциональные практики. Кроме того, подтверждена необходимость изучать два уровня социального взаимодействия: властных и социальных отношений между языковыми группами, в результате которых формируются языковые режимы. Если для исследования распределения

доступа к власти инструментария политической науки может быть достаточно, то второй уровень однозначно требует междисциплинарности. Тем не менее, здесь возникает извечная проблема, которую предстоит решить каждому исследователю: как методологически правильно интегрировать подходы, чтобы теоретическая основа новых исследований не представляла собой их нагромождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Борисова Н.В. (2021) Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных политиях. Дис. ... д-р полит. наук: 23.00.02. Пермь. 320 с.
- Borisova N.V. (2021) *Faktory variativnosti yazykovoy politiki i yazykovykh rezhimov v slozhnoustroennykh politiyah* [Factors of Variability of Language Policy and Language Regimes Complex Politics]. Dis. ... d-r polit. nauk: 23.00.02. Perm'. 320 p. (In Russ.)
- Малинова О.Ю., Джонсон Дж. (2020) Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. № 2. С. 15–41. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Malinova O.Yu., Johnson J. (2020) Simvolicheskaya politika kak predmet political science i Russian studies: issledovaniya politicheskogo ispol'zovaniya proshlogo v postsovetsoj Rossii [Symbolic Politics in Political Science and Russian Studies: Research on the Political Uses of the Past in Post-soviet Russia]. *Politicheskaya nauka*. no. 2. pp. 15–41. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russ.)
- Мухарямов Н.М. (2017) Политика языка и языковая политика // В: Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Ред.: Семенов И.С. М: Издательство «Весь Мир». С. 677–684.
- Muharyamov N.M. (2017) Politika yazyka i yazykovaya politika [Language Politics and Language Policy]. In: *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie*. Ed(s): Semenenko Y.S. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». Pp. 677–684. (In Russ.)
- Armstrong A. (2015) Equilibria and Efficiency in Bilingual Labour Markets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 112. Pp. 204–220.
- Beichelt T. (2019) Stateness // In: *The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation*. Ed(s): W. Merkel, R. Kollmorgen, H-J. Wagener. Oxford: Oxford Academic. Pp. 657–660. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198829911.003.0076>
- Burckhardt T. (2021) Linguistic Territoriality in Switzerland: Exploring the Roots of a Constitutional Principle. *Language Problems and Language Planning*. Vol. 45. Issue 2. Pp. 187–217.
- State Traditions and Language Regimes* (2015) Ed(s): Cardinal L., Sonntag S. Montreal: McGill-Queen's University Press. 288 p.
- Carida I., Nemiña F., Pinasco J., Schiaffino P. (2013) Schelling-voter Model: An Application to Language Competition. *Chaos, Solitons & Fractals*. Vol. 56. Pp. 216–221.
- Carlá A. (2007) Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano. *Ethnopolitics*. Vol. 6. Issue 2. Pp. 285–313.
- Costa J. (2019) Introduction: Regimes of language and the social, hierarchized organization of ideologies. *Language & Communication*. Vol. 66. Pp. 1–5.
- Coulmas F. (2005) Changing Language Regimes in Globalizing Environments. *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 2005. Issue 175–176. Pp. 3–15.
- Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.) (1985) *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press. 404 p.
- Gal S., Irvine J. (2019) *Signs of Difference: Language and Ideology in Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press. 326 p.

- Gazzola M. (2014) *The Evaluation of Language Regimes: Theory and Application to Multilingual Patent Organizations*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 380 p.
- Language Rights and Political Theory* (2003) Ed(s): Kymlicka W., Patten A. Oxford: Oxford University Press. 364 p.
- Language Policy and National Unity* (1985) Ed(s): Beer W., Jacob J. Totowa: Rowman & Allanheld. 242 p.
- Laitin D. (1993) *Language Repertoires and State Construction in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. 220 p.
- Laitin D. (2007) *Nations, States, and Violence*. Oxford: Oxford University Press. 168 p.
- Liu A. (2015) The Politics of Language Regimes: Comparative Analysis of Southeast Asia // In: *State Traditions and Language Regimes*. Ed(s): L. Cardinal, S. Sonntag. Montreal: McGill-Queen's University Press. Pp. 137–153.
- Marác L. (2017) Is the EU Accession a Critical Juncture for Romania's Language Policy? *Belvedere Meridionale*. Vol. 29. Issue 4. Pp. 28–42.
- Moormann-Kimáková B. (2016) *Language-related Conflicts in Multinational and Multiethnic Settings: Success and Failure of Language Regimes*. Berlin: Springer VS. 278 p.
- Pool J. (1990) Language Regimes and Political Regimes. In: *Language Policy and Political Development*. Ed(s): B. Weinstein. Norwood: Ablex. Pp. 241–61.
- Pool J. (1996) Optimal Language Regimes for the European Union. *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 121. Pp. 159–180. <https://doi.org/10.1515/ijsl.1996.121.159>
- Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* (2000) Ed(s): Kroskrity P. Santa Fe: School of American Research Press. 432 p.
- Rousseau S., Dargent E. (2019) The Construction of Indigenous Language Rights in Peru: A Language Regime Approach. *Journal of Politics in Latin America*. vol. 11. Issue 2. pp. 161–180.
- Silverstein M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology. In: *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Ed(s): P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. Chicago: Chicago Linguistic Society. Pp. 193–247.
- Terlikbayeva N., Menlibekova G. (2021) The Dynamics of Language Shift in Kazakhstan: Review Article. *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. vol. 3. Issue 2. pp. 12–22. <https://doi.org/10.32996/jeltal.2021.3.2.2>

Информация об авторе

Тулум Андрей Сергеевич, аспирант Департамента политики и управления Факультета социальных наук, преподаватель Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11. E-mail: atulum@hse.ru

About the author

Andrei S. Tulum, Doctoral Student, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, Lecturer, School of Foreign Languages, HSE University. Address: 109028, 11 Pokrovsky blvd, Moscow, Russia. E-mail: atulum@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 27.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 16.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.08.2024